

ВЛАДИМИР АРИСТОВ

ВЕНА В МОСКВЕ

Ночью все города серы
Спичка зажжется от искорки Сены
И медлительна кровь Венеции, Вены и покровы Москвы
Рычажок отогнутый куртки
Еле виден на сгибе моста
Лепестков и крыльев Александра Третьего

И тысячелетнего воинства архитектура
разверстана под планшеты
и варварски точные эти места
Где укромные тени - далекого времени набережные дома
И вертится мельница трепеща - сердца.

1995

* * *

Диск телефонный кружа...
Одинаков оливковый цвет
Телефона и рукава

Но не везде виден облик твой отраженным
В воздухе даже - в нежной его меже

Если усталость - дождь
И привычка жизни - реклама
То ломается эта мгновенная дрожь
И нельзя ни к чему привыкнуть,
ни к чему прикоснуться.

1996

ПОВЕРХНОСТЬ КИТАЙСКОГО ЗЕРКАЛА

Можжевельник у озера?

Стена по горе промелькнула спиной дракона

Там дальше по стене
В нереставрируемую бесконечность
Сносит ветер границу аммиака
По дикой тропке

Здесь между стекол автобуса можно
Комикс жизни своей
Перевести в допотопную быль

Ведь на дне многоугольника
рисового болота
И жевательный иероглиф нейтрален
Но певучая немота - не монета...

1996

ОКСФОРД

Я не был в городе таком

Себя опровергая

Хоть на вершине факта
На свершеньи

Я помню несколько зонтов
Зонтов и струн, и молодые трости
Том Фаулера или Фаулза in folio
А гребешка железного,
Через который уходят гривы воды
Под землю
Нет, не помню.

Не было дождя в то лето

1995

БАЛТИЙСКИЕ ОТРАЖЕНИЯ Е.Т.

Как дневные прогулки,
Далеки острова.
И шаги твои осторожны,
Чтобы след не оставить в мире.

Там морская даль над домами,
Чаек гулкие поплавки,
И вечерняя не молкнет заря,
Словно Альтдорфера битва,
Стянувшись пучком к горизонту.

Здесь природа света чиста.
Световые координаты
На лице твоём прижились.
Но всегда над молчаньем твоим и моря
Красота твоего лица.
И радуги распущенный хвостик,
Угасший за лесом.

Лишь вода отступает,
Проходя по соленным колосьям,
Рядом с памятниками,
Где дети играют,
Ударяя мячом в свое отражение в постаменте.

Мелют все так же соль муки или денег
Мельницы над простором морским,
И радары, словно мельницы ветряные,
За избой на поляне.

Только ветер кружит
Сквозь ажурные крылья,
Только дети шлепают мячик
И прячут его в ячейку руки.

1986

СЛЮДЯНКА

Нет берега
Нет между углем и морем черты
Сопок и неба слиянье не здесь
Граница Байкала и неба в месте другом.

А здесь людская стихия
И сразу на шаг от провала
Черемуха отцвела
Лес безродный
И на повороте в зеленую тьму
Повис отставной товарняк.
И библиотека городская на ремонте.

1995

ИЗ ПОЭМЫ "ИНАЯ РЕКА"

Berlin West.
Пыльные стекла вокзала "Zoo".

Поезд вползал в Восток
Сквозь остатки стены
Они были из иссохшей бесцветной неземной пастилы
Перед тем как пойти на распил

По двум сторонам Германий
Ты в больнице провел ночь
Что лечить не знаем

Меланхолии привычной инъекцией науськивал шприц
Чтоб кусать эти ржавые трубы границ

Но в Берлине ночью
Поезд у светящегося остановился окна
Посторонней женщины в платье никчемном там застыла спина

Возрастанию радости
Нельзя научить
И куда, в город какой это все внести

Когда человек неизвестный в окне
Внушительней стены
Или горячей ночи...

1990, 1994

ПРОЩАНИЕ

Здесь в темном родимом подъезде
Историю шаг твой кончает,
Картуз нафонарный из жести
Доверенный ветер качает.

Ты снялся с учета у тени?
А взносы ты выплатил свету?
И зыбких московских видений
Готовит прощальную мету.

Слезам макнет в циркуляре
Печать над последнею пядью,
И двери пустых канцелярий
Серебряной вызвонят ятью.

1976